

Проблема различения добра и зла в философской мысли и в творчестве Достоевского

В истории мировой философской мысли в разные периоды и в различных религиозных системах соотношение добра и зла трактовалось по-разному. У Платона добро относится к миру идей, а зло – ко всему чувственному и изменчивому миру. В буддизме освобождение от зла достигалось длительной тренировкой духа и тела, позволяющей достичь состояния нирваны. Французские просветители (Вольтер, Д. Дидро) понятия добра и зла относили к интересам или пользе человека – отсюда сведение проблемы противостояния добра и зла к необходимости воспитания. В немецкой классической философии И. Кант относил добро к миру разума, в отличие от зла, которое, согласно представлениям философа, являлось порождением чувственного мира. Наиболее полно диалектика отношения добра и зла была раскрыта Г. Гегелем в его работе «Феноменология духа», где делался акцент уже не на абсолютности этих понятий, а на их взаимном противопоставлении и диалектическом единстве.

К теме добра и зла обращался И.-В. Гете в «Фаусте». Ф. Ницше со своей моралью сверхчеловека вывел последнего «по ту сторону добра и зла».

Понятия добра и зла пронизывают все литературное творчество Ф.М. Достоевского и конкретизируются в ряде этических положений:

а) добро и зло содержательно взаимоопределены и познаются в единстве, одно через другое; но «пробование» зла без строгого, пусть и отвлеченного, понятия добра может гораздо скорее обернуться пороком, нежели действительным познанием добра;

б) без готовности сопротивляться злу недостаточно лишь его понимания, само по себе это не приведет к добру;

в) добро и зло не просто взаимоопределены, они функционально взаимообусловлены: добро нормативно значимо в противоположности злу и практически утверждается в отвержении зла. Поэтому действительное добро – это делание добра, то есть добродетель. Любые ценности – наслаждение, польза, слава, красота и т.п. – могут быть как добром, так и злом, в зависимости от того, как индивид переживает свой конкретный опыт «освоения» этих ценностей в отношении к идеалу, к высшему благу.

В ситуациях социального конфликта (реального или литературного) человек видит свою задачу в том, чтобы сделать правильный и достойный выбор. Моральный выбор в конечном счете заключается в выборе между добром и злом. Однако трудность этого решения обусловлена тем, что далеко не всегда можно выбрать добродетель и устоять перед искушением. Часто человек вынужден принимать

решения, не лежащие в рамках однозначного противостояния добра и зла: между большим и меньшим добром или между большим и меньшим злом. Таким образом, зло не есть некая изначальная сущность, со-вечная и равная Богу, оно есть отпадение от добра, противление добру. Как тьма или тень не являются самостоятельным бытием, но лишь отсутствием света, так зло есть бытие в отсутствие добра.

С другой стороны, источник добра неоднороден, у него всегда есть теневая сторона. К этому добру ведут ступеньки, то, что в мировой философской и богословской мысли понималось как лестница духовно-нравственного восхождения. Чем нравственно мы чище, тем на более высокой ступеньке мы стоим.

Следуя букве и духу литературных героев Достоевского, мы приходим к тому, что, совершая зло, потворствуя ему или даже просто осуществляя социальное взаимодействие с ним или реагируя на зло, мы его умножаем, то есть пересекаем ту незримую грань, которая отделяет его от добра. Один из лучших иллюстраторов произведений Достоевского – И.С. Глазунов, а его картина «Христос и антихрист» является не просто иллюстрацией к великим романам писателя, но и художественным образом нравственно-этических исканий главных героев Достоевского. В этом философски насыщенный произведении живописи изображены два практически неразличимых лица: лишь у одного (Христа) глаза небесно-голубые, а у другого (антихриста) кроваво-красные. Работа Глазунова позволяет увидеть, насколько трудно различимы добро и зло. Сложность нравственного выбора увеличивается тем, что, приближаясь к добру, мы приближаемся и к его антиподу. Поэтому по мере подъема по лестнице нравственного компромисса надо еще острее чувствовать эту тонкую грань.